

*Константин
Азадовский*

*Елена
Дьяконова*

Бальмонт и Япония

*Издание второе,
исправленное и дополненное*



Нестор-История
Санкт-Петербург
2017

УДК 82.091
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
А35

Азадовский К. М., Дьяконова Е. М.

А35 Бальмонт и Япония. Издание второе, исправленное и дополненное — СПб. : Нестор-История, 2017. — 304 с.

ISBN 978-5-4469-1089-2

Книга рассказывает о состоявшейся в мае 1916 года поездке К. Д. Бальмонта, «поэта-путешественника», в Страну Восходящего Солнца. Двухнедельное пребывание в Японии глубоко поразило воображение поэта: он создал несколько «японских» стихотворений, писал эссе и очерки об увиденном и переводил японских поэтов — классиков и современников. В самой Японии визит Бальмонта вызвал волну интереса к его поэзии и русской литературе в целом.

Авторы книги, известные ученые-филологи Константин Азадовский и Елена Дьяконова, описывают путешествие Бальмонта на широком фоне русско-японского культурного сближения в конце XIX — начале XX века. Особое внимание уделяется так называемому «японизму» — одному из ярких художественных явлений европейской культуры, затронувшему многих русских писателей и художников Серебряного века.

The book discusses the journey undertaken in May 1916 by the “travelling poet” K. D. Balmont to the land of the “Rising Sun”. His two weeks’ stay in Japan had left a deep impact on the poet’s imagination: as a result he created a number of “Japanese” poems, wrote essays about his impressions, and translated verses by both classic and contemporary Japanese poets into Russian. In Japan, his visit aroused a surge of interest in his work and in Russian literature in general.

The book’s authors, the noted philologists Constantin Azadovsky and Elena Diaconova, describe Balmont’s trip as an important episode in the Russo-Japanese cultural rapprochement of the late 19th and early 20th centuries. Special attention is paid to the so-called “Japonism” — a major trend of European culture of the time that exerted influence on many Russian writers and artists of the Silver Age.

УДК 82.091
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4469-1089-2



© Азадовский К. М., Дьяконова Е. М., 2017
© Издательство «Нестор-История», 2017

ОТ АВТОРОВ

Новое издание книги «Бальмонт и Япония» приурочено к двум памятным датам: 100-летие путешествия Бальмонта в Японию (май 1916) и 150-летие со дня рождения Бальмонта (июнь 1867).

Первое издание под аналогичным названием готовилось нами в конце 1980-х годов и увидело свет «на сломе эпох» (М.: Наука, 1991). Изучение Серебряного века тогда еще только набирало силу. Большинство сюжетов и проблем, связанных с этим блестящим периодом русской культуры, в то время не обсуждалось вообще или было отодвинуто на периферию историко-литературной науки; архивные документы публиковались выборочно и, как правило, в сугубо научных изданиях. В лучшем положении находилось востоковедение, хотя и оно, разумеется, не было свободно от идеологического диктата советского времени. Работая над книгой «Бальмонт и Япония», авторы ощущали себя своего рода первопроходцами, вступившими в неведомую, заповедную область.

С тех пор прошло около 30 лет. За это время значительно выросло число работ, исследующих многолетние русско-японские отношения — в плане военно-политическом, экономическом, культурном; выявлено и обнародовано множество материалов, стимулирующих углубленные научные изыскания, причем особенно привлекательным для российских ученых оказался период конца XIX — начала XX века, вместивший в себя и острый

взаимный интерес русской и японской культур, и кровавый военный конфликт 1904–1905 годов. Что же касается Бальмонта, то «поэт-декадент» и «эмигрант» окончательно и победоносно вернулся в отечественную культуру как один из крупнейших ее творцов конца XIX — первой половины XX века. Издаются и переиздаются сборники и книги Бальмонта, его стихи и проза, широко публикуется его эпистолярное наследие; изучаются различные периоды его творческой деятельности (в том числе эмигрантский). Жизнь и творчество поэта исследуют ныне целые авторские коллективы, в особенности на его родине — в Иванове и Шуе. Появился двухтомный библиографический указатель — первая попытка собрать воедино, учесть и систематизировать огромное количество публикаций Бальмонта и литературы о нем. Можно говорить об определенном научном направлении, наметившемся в рамках современных историко-литературных занятий, — бальмонтоведении.

Все эти сдвиги отражает — применительно к нашей теме — и настоящее издание, наново структурированное и обогащенное данными, о которых не было известно в конце 1980-х годов. Так, весь раздел, посвященный поездке Бальмонта в Сидэми, стал возможен лишь благодаря многочисленным опубликованным в 1990-е годы статьям и мемуарным свидетельствам, повествующим о драматической истории рода Янковских. Учтены, кроме того, работы последних лет, освещающие такие темы, как русская эмиграция в Японии, влияние японского искусства на русских писателей и художников, японские мотивы в русской культуре начала XX века (труды Б. Г. Вороновой, Г. Д. Ивановой, Н. Д. Коньшиной, В. Э. Молодякова, Н. С. Николаевой и др.).

Существенно обновился аппарат книги. Архивные материалы, использованные нами в первом издании, но за истекшее

время обнародованные, заменены ссылкой на печатный источник¹. Значительно расширен иллюстрационный ряд.

К книге прилагается именной указатель, отсутствовавший в издании 1991 года.

Таким образом, читатель держит в своих руках расширенное и улучшенное издание, отражающее наши поиски и находки за минувшую четверть века.

* * *

Даты писем, написанных в России, даются по русскому стилю; то же касается и публикаций в русской (до 1918 года) периодической печати. В письмах, отправленных в Россию из-за границы (прежде всего из Японии), как и в хронологии японского путешествия Бальмонта, указываются обе даты.

Даты публикаций в японской печати (раздел «Бальмонт глазами японцев») приводятся по новому стилю.

При написании японских имен, фамилий и названий мы всюду пользуемся современными правилами, то есть транскрипцией, предложенной в 1917 году выдающимся лингвистом Е. Д. Поливановым; эта научная система записи японских слов по-русски получила широкое распространение только в 1920–1930-е годы. Таким образом, принятое в настоящем издании написание японских имен (в авторском тексте, Приложениях 2, 4 и 5 и «Кратких сведениях о японских поэтах») отличается от их начертания в начале XX века.

Тем не менее, стремясь сохранить историческую достоверность, мы цитируем письма и очерки Бальмонта, письма его японских друзей, воспоминания В. Ю. Янковской и газетные

¹ Это относится, в частности, к «Воспоминаниям» Е. А. Андреевой-Бальмонт (1867–1950), второй жены поэта, вобравшим в себя (частично) его письма за 1903–1933 гг. (см. Условные сокращения).

публикации 1916 года в соответствии с оригиналом. Отсюда — неизбежные расхождения в написании отдельных имен и названий (Ямагучи Моичи — Ямагути Моити, Осе — Осэ, Ицикава — Итикава, Нобори Сиому — Нобори Сёму, Хозан-Мару — Ходзан-Мару и т. д.).

В книге широко используются письма Бальмонта 1912–1917 годов к его близкой приятельнице А. Н. Ивановой², хранящиеся в ОР РГБ (ф. 374). Не желая загромождать наш текст однообразными примечаниями, мы цитируем эти письма без отсылок к архивному источнику.

Названия японских периодических изданий сопровождаются русским переводом лишь при первом упоминании.

Выражаем благодарность лицам, способствовавшим нам в поисках труднодоступных печатных материалов, а также в установлении и расшифровке некоторых японских имен и псевдонимов и атрибуции японских стихотворений: проф. Масино Ацуси (Киото, Япония), проф. Людмиле Ермаковой (Кобэ, Япония), Цутида Кумико (Токио, Япония), Борису Равдину (Рига, Латвия) и Жоржу Шерону (Лос-Анджелес, США).

*К. Азадовский,
Е. Дьяконова*

Декабрь 2016

² См. о ней подробно в главе «Бальмонт — поэт-путешественник», примеч. 46.

Давно уж с Поэтами я говорю
Иных чужеземных садов.
Жемчужины млеют в ответ янтарю,
Я сказкой созвучной воздушно горю
Под золотом их облаков...*

Много излюбленных судьбою я видел благо-
словенных уголков Земли. Много раз, в пу-
тях, я был счастлив на далеких живописных
островах Океании или в горном уюте сол-
нечных стран. Но нигде я не испытал того,
что в Японии.**

Кто я? Русский. <...> По судьбе своей про-
славленный поэт, имя которого известно не
только в России, но и в Европе, и дальше,
в Японии, где у меня есть верные почитатели
и преданные друзья.***

* *Бальмонт К.* Зовы древности: Гимны, песни и замыслы древних. Еги-
пет. — Мексика. — Майя. — Перу. — Халдея. — Ассирия. — Индия. — Иран. —
Китай. — Океания. — Скандинавия. — Эллада. — Бретань. СПб.: Пантеон, [1908].
С. 13.

** *Бальмонт К.* Огненные лепестки // Бальмонт К. Где мой дом?: Очерки
(1920–1923). Прага: Пламя, 1924. С. 82.

*** *Бальмонт К.* Революционер я или нет. М.: Изд-во «Верфь», 1918. С. 8.

БАЛЬМОНТ — ПОЭТ-ПУТЕШЕСТВЕННИК

Во всей русской литературе трудно найти писателя, чье творчество носило бы столь универсальный характер, как у Константина Бальмонта — поэта, прозаика, драматурга, критика, эссеиста и переводчика. Свойственное «старшим» русским символистам (к ним одно время принадлежал и Бальмонт) тяготение к мировой культуре в ее пестром многообразии, стремление к освоению ее глубинных пластов отличает всю его литературную деятельность. Не случайно поэтический дар Бальмонта органично сочетался в нем с переводческим талантом. Число выполненных им переводов огромно, и один их библиографический перечень занял бы немало страниц¹.

Бальмонт начинал свой творческий путь как поэт-переводчик² и впоследствии на долгие годы сохранил живой интерес к другим языкам и литературам. Он знал почти все западноевропейские языки и много переводил с них. В 1920-е годы поэт выполнил ряд новых переводов из славянских и литовских поэтов. Изучал Бальмонт и восточные языки.

¹ Список переводов Бальмонта за 1891–1913 гг. см. в кн.: Русская литература XX века: 1890–1910 / Под. ред. С. А. Венгерова. М.: Издание т-ва «Мир», 1915. Ч. 1, т. 2. С. 145 (сост. А. Г. Фомин). См. также: Библиография К. Д. Бальмонта. Иваново: Ивановский гос. университет, 2006. Т. 1: Произведения поэта на русском языке, изданные в России, СССР и Российской Федерации (1885–2005 гг.) / Сост.: С. Н. Тяпков, А. Ю. Романов, О. В. Епишева.

² Первое выступление поэта в печати относится к 1885 г.: в столичном журнале «Живописное обозрение» (№ 48 от 1 декабря) было напечатано три стихотворения Бальмонта; одно из них — перевод из Н. Ленау.

«Когда я захотел прикоснуться к творчеству чужих и для мысли близких, великих исторических народов, — вспоминал Бальмонт, — я сумел овладеть немецким и шведским языком, французским и испанским, я победил преграду многих чужестранных языков и научился полнотою души жить в разных эпохах и с самыми различными народами»³.

В одном из своих писем Бальмонт рассказывал:

Я читаю без затруднений на языках — французском, английском, немецком, испанском, итальянском, шведском, норвежском, польском, португальском, латинском⁴. Прикасался к египетскому, еврейскому, китайскому, японскому, к языкам Мексики, но, к сожалению, слишком поверхностно. Занимался еще грузинским и кое-как раз бираюсь в греческом. Лепетал, в путях, по-самоански и по-малайски. Все это богатство манит, но тяготы жизни мешают мне изучить столько, сколько хочу. Мне бы очень хотелось изучить арабский и египетский по-настоящему. Также китайский и японский. Верно, это будет в новом воплощении.⁵

³ Бальмонт К. Революционер я или нет. М.: Изд-во «Верфь», 1918. С. 9.

⁴ Отметим, что названия языков и национальностей (т.е. славянин, француз, китаец и т.п.), а также названия месяцев года (январь, август) Бальмонт, продолжая традицию XIX в., писал с заглавной буквы и даже считал такое написание принципиально важным. В одном из писем (июнь 1916) Бальмонт просит Е.К. Цветковскую зайти в редакцию газеты «Биржевые ведомости» и передать его просьбу — «слова Солнце, Луна, Море и наименование народностей, Японец, Русский и пр. писать, т.е. печатать, в моих вещах, с большой буквы, вообще точно соблюдать мою орфографию» (ОР РГБ, ф. 374, карт. 4, ед. хр. 15, л. 19).

Сохраняя прописную букву в словах «Солнце», «Море» и в других аналогичных случаях, мы тем не менее при цитировании Бальмонта придерживаемся далее — в названиях языков и народностей — норм современного правописания.

⁵ Письмо Бальмонта к Шошане Авивит (покинувшей Россию артистке Московского еврейского театра) от 3 августа 1924 г. (ОР РГБ, ф. 374, карт. 15, ед. хр. 45, л. 9).

«Экзотические» страны (Мексика, Египет, Океания, Индия и др.) влекли к себе Бальмонта в 1905–1917 годах гораздо сильнее, чем Западная или Восточная Европа. В те годы у Бальмонта обостряется неприятие современной «рассудочной» цивилизации западноевропейского образца и рожденного ею «аналитического» человека, лишеного, как казалось поэту, цельного, «органического» ощущения жизни. «Странные люди — европейские люди. <...> Им все нужно доказывать. Я никогда не ищу доказательств», — заявлял поэт в статье «Малые зерна»⁶. В поисках «интересного» человека, отличного от «делового» европейца, Бальмонт тянулся к «примитивным» народам, еще сохранившим, по его словам, свежесть мироощущения, «невинность» и «чистоту». В далеких странах он пытался найти идеал «живого» и «естественного» человека.

Бальмонт путешествовал много и подолгу. Свою первую — краткую — заграничную поездку он совершил в июне 1892 года (Скандинавия). К началу 1900-х годов он объехал почти всю Западную Европу; его основным местопребыванием вне России

Ср. данный отрывок с воспоминаниями Е. А. Андреевой-Бальмонт: «Бальмонт всю жизнь изучал какой-нибудь новый язык. Хорошо он знал французский, немецкий, греческий, латинский, итальянский, испанский, польский, литовский, чешский, норвежский, датский, шведский. Похуже: грузинский, немного японский, санскрит» (Воспоминания. С. 348).

Ср. также с письмом Бальмонта к жившему тогда в Харбине В. В. Оболянинову (от 27 января 1937 г.): «Языков иностранных я знаю много, 13–14. Изучал более, чем это число, все европейские, некоторые восточные и океанийские. Но думаю, что действительно хорошо я знаю только русский язык...» (Письма К. Д. Бальмонта к В. Оболянинову / Вступ. ст. и публ. П. Куприяновского и Н. Молчановой // Вопросы литературы. 1997. Май — июнь. С. 332). То же в кн.: *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* К. Д. Бальмонт и его литературное окружение. Воронеж: ФГУП ИПФ «Воронеж», 2004. С. 179).

⁶ *Бальмонт К.* Морское свечение. СПб.; М.: Изд. т-ва М. О. Вольф, [1910]. С. 15.

уже в ту пору становится Париж. «Большую часть нашей жизни с Бальмонтом мы прожили за границей, в Париже, оттуда ездили в Англию (Оксфорд), Бельгию, Голландию, Италию и Испанию, любимую страну Бальмонта», — вспоминала Е. А. Андреева-Бальмонт⁷.

Знакомство поэта с Испанией, которую он впервые посетил в конце 1896 года, действительно стало для поэта незабываемым переживанием и сильнейшим творческим импульсом. Испанцы, по его мнению, были «не похожи на других европейцев», кроме того, он очень любил испанский язык — «самый певучий и красочный из всех европейских языков»⁸. Бальмонт не раз писал об испанском национальном характере, о крупнейших испанских художниках и поэтах (Гойя, Кальдерон), переводил Лопе де Вегу, Тирсо де Молину и других испанских классиков. В 1900 году он опубликовал свои переводы испанских народных песен⁹. Увлечение Испанией отразилось и в стихотворных сборниках Бальмонта — «Тишина» (1898) и «Горящие здания» (1900).

Наряду с испанской поэзией в девяностые годы Бальмонт высоко ставил английскую (он впервые побывал в Англии весной–летом 1897 года, когда читал в Оксфорде лекции по русской литературе). Особенно Бальмонт любил Шелли, с творчеством которого он знакомил русских читателей на протяжении 1890-х годов, переводил также Блейка, Байрона, Теннисона; ценил Уайльда, которому посвятил и несколько статей. «Из всех европейских поэзий за последние триста лет лишь поэзия испанская и английская суть несомненные достоверности», — утверждал Бальмонт¹⁰.

⁷ Воспоминания. С. 343.

⁸ *Бальмонт К.* Испанец — песня // Русская мысль. 1908. № 12. II отд. С. 132.

⁹ См.: Жизнь. 1900. № 5. С. 245–250.

¹⁰ *Бальмонт К.* Морское свечение. С. 17.

Март 1902 — июль 1905 года — время непрерывных странствований поэта по Западной Европе. В те годы имя Бальмонта уже гремело по всей России: поэт-«декадент» был известен также и своими левыми настроениями¹¹. Живя преимущественно в Париже, он совершает поездки в Англию, Бельгию, Германию; в мае–июле 1904 года путешествует по Швейцарии и Испании. Уже тогда Бальмонт задумывает совершить длительное кругосветное путешествие, о чем рассказывается в его письме к В. Я. Брюсову от 8 июня 1903 года.

К январю я кончаю Шелли, Эдгара По и третий том Кальдерона. Затем в течение многих месяцев читаю миллион книг о Индии, Китае и Японии. Осенью будущего года еду в кругосветное путешествие. Константинополь, Египет, вероятно, Персия, Индия, часть Китая, Япония. На обратном пути — Америка. Путешествие — год. Если б Вы захотели поехать вместе со мной, это была бы сказка фей. Поедмте. Подумайте, что за счастье, если мы вместе увидим пустыню и берега Ганга, и священные города Индии, и Сфинкса, и Пирамиды, и лиловые закаты Токио, и все, и все.¹²

Однако задуманное кругосветное путешествие удалось осуществить не сразу и не полностью. В январе 1905 года вместе с Еленой Константиновной Цветковской (1880–1944), которая становится гражданской женой Бальмонта и с тех пор

¹¹ В мае 1901 г. за публичное чтение и распространение стихотворения «Маленький султан» (отклик Бальмонта на разгон студенческой демонстрации в Петербурге 4 марта 1901 г.) поэт был лишен права проживания в столичных и университетских городах сроком на два года. Однако уже в марте 1902 г. Бальмонту удалось выехать за границу.

¹² Валерий Брюсов и его корреспонденты / Вступ. ст. и подгот. текстов А. А. Нинова; Коммент. А. А. Нинова и Р. Л. Щербакова М.: Наука, 1991. С. 150 (ЛН. Т. 98, кн. 1).

сопровождает поэта почти во всех его странствиях¹³, он отправляется в Мексику и Соединенные Штаты (Калифорния и др.). Своего рода путевым дневником мексиканского путешествия, длившегося пять месяцев, были письма Бальмонта к Е. А. Андреевой, составившие очерки под названием «В странах Солнца»¹⁴. Рассказы Бальмонта о «стране красных цветов»¹⁵ наряду с выполненными им вольными переложениями индейских космогонических мифов и преданий (из «священной книги» майя-киче «Пополь-Вух») образовали впоследствии сборник

¹³ Воспоминаниями о совместных путешествиях с Е. К. Цветковской навеян один из сонетов Бальмонта, обращенный к его «вечной спутнице»:

Елена

Я переплыл с тобою океаны,
Я пересек громады диких гор,
И пламецвет слагался нам в костер,
И рододендрон расцветал румяный.

В горячей Майе призрак марев рдяный,
В Египте, в храмах древних, тайный хор
Богов, богинь, хранящих свой убор,
Самоа, остров счастья, солнцем пьяный.

Их много, стройных стран и островов,
Где в сказку жизни заглянули двое.
Нас обвенчало Море голубое.

Друг к другу мы пришли из мглы веков.
Колибри, сновиденье световое,
Мы будем пить до смерти дух цветов.

(Бальмонт К. Д. Дар земле.

Париж: Русская земля, 1921. С. 113)

¹⁴ См.: Весы. 1905. № 8–10.

¹⁵ Так называется очерк Бальмонта о Мексике, напечатанный в журнале «Искусство» (1905. № 8. С. 22–27).

«Змеиные цветы»¹⁶. В пояснении к своим переложениям книги «Пополь-Вух» Бальмонт писал, что этот памятник представляет собой исключительный интерес «как древний космогонический и поэтический замысел, слагавшийся вне обычных известных нам умственных влияний и потому являющий высокую самобытность»¹⁷.

Умонастроения Бальмонта, определившие уже в самом начале века его влечение к далеким берегам и древним культурам, ярко отразились в его стихотворном сборнике «Литургия Красоты»¹⁸. Основной пафос книги — вызов и упрек современности, «проклятие человекам», отпавшим, по убеждению Бальмонта, от первооснов бытия, утратившим свою изначальную цельность. «Люди Солнце разлюбили, надо к Солнцу их вернуть, — восклицает поэт в программном, открывающем книгу стихотворении. — <...> / В тюрьмах дум своих, в сцепленьи зданий-склепов, слов-могил / Позабыли о теченье Чисел, Вечности, Светил»¹⁹. Отвергая «буржуазный» тип человека («Я ненавижу человеков в цилиндрах, в мерзких сюртуках...»²⁰), Бальмонт влечется к первоначалам жизни — Солнцу, Огню, Воде, к «древним» людям, которые, как казалось поэту, воспринимали мир не «умом», а «чувством», «естественно»:

О, дни, когда был так несроден литературе человек,
Что, если закрепить хотел он, что слышал от морей и рек,

¹⁶ Бальмонт К. Змеиные цветы. М.: Скорпион, 1910.

¹⁷ Там же. С. 231 (очерк «Пересветы помыслов»).

¹⁸ Бальмонт К. Литургия Красоты: Стихийные гимны. М.: Гриф, 1905. Фактически книга вышла в декабре 1904 г.

¹⁹ Там же. С. [1].

²⁰ Там же. С. 65.

Влагал он сложные понятия — в иероглифы, не в слова,
И панорама Неба, Мира в тех записях была жива.²¹

Постепенно в поэзии Бальмонта слагается образ авторского «я» — лирического героя, солнцепоклонника, странника, живущего в единении со стихиями, испытывающего от близости к ним экстатическое состояние: горение, пожар чувств, страсть. (Этими «языческими» настроениями, свойственными, как думал Бальмонт, «современной душе», определяется тональность сборников «Горящие здания» и «Только Любовь».) Не случайно Бальмонт уподоблял себя то вольному ветру, то альбатросу, свободно парящему между землей и небом, между Океаном и Солнцем:

Свита моя — альбатросы морей,
Волны — дорога моя.
Солнце, родимого сына согрей,
Солнечный я.²²

С годами в его стихах выдвигается «восточная» тема, звучат индийские и китайские мотивы («Горящие здания», «Будем как Солнце»). Великолепный и красочный, «огненный» мир Востока утверждается в поэзии Бальмонта как антоним скучной и прозаической Европы, погруженной в свои прагматические заботы.

Правда, при всем своем тяготении к романтическому миру Красоты и Природы, каковым представлялся ему Восток, Бальмонт всегда испытывал искреннюю и глубокую привязанность к России, а также к другим славянским странам. «...Когда

²¹ Там же. С. 66.

²² *Бальмонт К.* Белый Зодчий. Таинство Четырех Святильников. СПб.: Сирин, 1914. С. 69.

я вернулся в Россию, смятенную бурей, из далекого путешествия по Мексике и Калифорнии, — писал Бальмонт в 1912 году известному антропологу и этнографу Д. Н. Анучину, — во мне загорелась неугасимым костром любовь ко всему русскому и всему польскому. Есмь славянин и пребуду им»²³. Любовь поэта «ко всему русскому» нашла выражение в его стихотворных сборниках «Злые чары. Книга заклятий», «Жар-птица. Свирель славянина» и «Зеленый вертоград. Слова поцелуйные»²⁴. Кроме того, в течение многих лет Бальмонт с любовью переводил на русский язык произведения польских писателей, а также поэзию болгар, сербов, словаков, хорватов, чехов. Родственной славянскому миру Бальмонт считал и Литву²⁵. В 1920–1930-х годах, живя во Франции, Бальмонт совершил несколько поездок по славянским странам (а также в Литву) и написал ряд статей о «славянском братстве»²⁶.

Какой бы страной ни увлекался Бальмонт, он всегда обращался не только к ее языку, но и к фольклору — мифам, песням, преданиям и т. д., внимательно изучал, пытался перевести на русский. Древняя народная поэзия мыслилась им как высшая эстетическая ценность. Лишь в произведениях, что создавались

²³ *Анучин Д.* Заморское путешествие К. Д. Бальмонта // Русские ведомости. 1913. № 50, 1 марта. С. 2; перепечатано (частично) в: Одесские новости. 1913. № 8964, 5 марта. С. 5 («Маленький фельетон» без подписи, озаглавленный «Путешествие К. Д. Бальмонта»).

²⁴ *Бальмонт К.* 1) Злые чары: Книга заклятий. М.: Журнал «Золотое Руно», 1906; 2) Жар-птица. Свирель славянина. М.: Скорпион, 1907; 3) Зеленый вертоград. Слова поцелуйные. СПб.: Шиповник, 1909.

²⁵ См.: *Бальмонт К.* Северное сияние: Стихи о Литве и Руси. Париж: Родник, 1931.

²⁶ См., например: «Соучастие душ. Славия и Литва» (Россия и славянство (Париж). 1929. № 6, 5 января. С. 3); «Славянское Дружество» (Там же. № 40, 31 августа. С. 2) и др.

«естественно», воплощена, как виделось Бальмонту, религиозная душа народа и запечатлено изначальное единство человека и природы. В статье «Рубиновые крылья» Бальмонт объяснял:

Великие космогонии и живущие века предания, песни и сказки создаются в умах людей, которые еще не порвали священного союза с чарованьями ветра, леса и луга, с колдованьями гор и зеркальных водоемов. <...> Лишь души, целующие Землю и движущиеся под Небом, вольным от закрытостей, с первородною смелостью и своеобразием ставят и разрешают вопросы, касающиеся всего полярного в Природе и в душе Человека.²⁷

Как и другие писатели символистской эпохи, Бальмонт воспринимал фольклор преимущественно в религиозно-романтическом ключе (т. е. с точки зрения «народной души»). «Народная Песня, — писал Бальмонт в статье «О жестокости», — отражает народные свойства, душу целого Народа, в его расовом единстве, без каких-либо классовых различий»²⁸. Фольклор всех стран и народов предстает у Бальмонта в мистически-туманной, расплывчатой дымке. Таков же, разумеется, и русский фольклор, интерес к которому у Бальмонта весьма обострился в годы Первой русской революции. Придавленный нуждой русский крестьянин казался Бальмонту «необычайно красивым и богатым» человеком, отрешенным «от временного и случайного», возведенным «в свою естественную идеальность». «Это он, — писал Бальмонт в статье «Рубиновые крылья», — без конца пронзает Землю сохой, прислушивается к говорам Природы, создает загадки и заговоры, выбрасывает на песчаное побережье, как некое морское чудо, загадку своей исторической судьбы, первородной

²⁷ Бальмонт К. Морское свечение. С. 60.

²⁸ Там же. С. 161.

и единственной в летописях Мира»²⁹. В той же статье поэт восхищается русскими былинами, где, по его мнению, соединились «чарования личности с чарованиями Природы», где «горы и степи как будто вступают в братский союз с людьми»³⁰. Внимание Бальмонта к русскому фольклору (впрочем, весьма характерное для того времени) отразилось в его упомянутых выше сборниках «Злые чары», «Жар-птица» и «Зеленый вертоград», куда вошли обработанные поэтом фольклорные сюжеты и тексты, в том числе песни и гимны русских сектантов, его собственные стилизации «под фольклор» и т. п.

Близость Бальмонта к революционно настроенным кругам и его политические стихи, направленные против самодержавия, оказались причиной того, что в конце 1905 года, опасаясь репрессий, поэт вынужден был надолго покинуть Россию. Он снова живет в Париже или на берегу Атлантики. Его поэтическое творчество в последующие годы переживает известный спад: без конца варьируя одни и те же темы, приемы и образы, Бальмонт как бы «перепевает» самого себя. Все заметнее проступают в его стихах риторика, слащавость, безвкусица. (Блок уже в 1905 году писал о «чрезмерной пряности» стихов Бальмонта и отмечал «перелом» в его творчестве³¹.)

Но именно в эти годы усиливается интерес Бальмонта к другим, «не-европейским» народам, сохранившим, по убеждению поэта, следы «первозданности», не замутненные позднейшими культурными наслоениями. Стремление к «солнечным» странам увлекает поэта в южные края. Весной 1907 года

²⁹ Там же. С. 91.

³⁰ Там же. С. 68.

³¹ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л: Художественная литература, 1962. Т. 5. С. 547 (наблюдения Блока относятся к стихотворениям, вошедшим в сборник «Литургия Красоты»).

он предпринимает путешествие на Балеарские острова; впечатления поэта от этой поездки отразились в небольшом очерке³². Вернувшись во Францию, Бальмонт начинает готовиться к путешествию в Египет.

Одновременно Бальмонт собирает и обрабатывает материал для книги «Зовы древности», которую составили переведенные им на русский язык «гимны, песни и замыслы древних»³³. В книге отразилось также знакомство Бальмонта с фольклором и мифологией некоторых восточных стран, где он ранее никогда не был: Индии, Ирана, Китая и, наконец, Японии. Не подлежит сомнению, что каждому путешествию Бальмонта в новую страну предшествовало внимательное изучение поэтом ее культурных памятников, чтение научной литературы и т. п. Еще одним свидетельством того, что уже в 1890-х годах дальневосточные культуры заняли важное место в поле зрения Бальмонта, может служить, например, его «изъяснительное замечание» к переводу изречений Лао-цзы и китайских народных песен:

Китай, так же как Египет, тысячи лет тому назад пережил то, к чему мы еще приближаемся или только приблизимся в нашем историческом Завтра. Китайская живопись, китайская поэзия и китайская мудрость известны нам сколько-нибудь лишь по своему отображению в японской призме. Мы еле-еле знаем, что та воздушность, утонченность и одухотворенность

³² Бальмонт К. С. Балеарских берегов. Путевая паутинка // Золотое руно. 1908. № 7–9. С. 86–93.

³³ 4 февраля 1908 г. Бальмонт писал своей знакомой Т. А. Полиевктовой: «...Кончаю “Зовы Древности” для “Пантеона”. Все дни пишу. В душе светло» (РГАЛИ, ф. 75, оп. 1, ед. хр. 96, л. 9). Книга появилась в конце 1908 г. в петербургском издательстве «Пантеон» (серия «Мировая литература») и почти одновременно была выпущена (в том же издательстве) вторым — удешевленным — изданием. В 1923 г. в Берлине состоялось новое, расширенное издание этой книги (см. с. 217–218 наст. изд.).

чувства, та красочная деликатность и изысканность, которыми мы, например, восхищаемся в японской живописи, в гораздо большей степени и как в первоисточнике существуют в том Солнечном царстве, чье имя Китай.³⁴

В той же книге — «Зовы древности» — Бальмонт сообщал, что готовит «целую книгу океанийских легенд и книгу мексиканских преданий»³⁵. Далее, в разделе «Печатаются и готовятся к печати книги К. Бальмонта» была объявлена (впоследствии так и не осуществленная) книга под заголовком «Любовные замыслы древних». В нее предполагалось включить предания, поэмы и песни Египта, Мексики, Перу, Китая, Японии, Океании, Скандинавии, Литвы, Ирландии, Шотландии и др.³⁶

Таким образом, еще задолго до своих путешествий в Египет, Океанию или Японию Бальмонт всерьез изучал древнюю культуру народов, населяющих эти страны, переводил их поэзию на русский язык. Видимо, в 1908 году Бальмонт впервые попытался перевести несколько образцов японской поэзии. 6 мая 1908 года он послал из Парижа в редакцию московской газеты «Русское слово» «несколько японских песен»³⁷ (судьба этих переводов неизвестна). Он умел настолько вжиться, «вчувствоваться» в чужие языки, обычаи и творения, что сближение с ними протекало для него совершенно естественно и безболезненно. «Погрузиться душою в восторг изучения, это я знаю, — утверждал Бальмонт. — Долгими, сложными, трудными путями

³⁴ *Бальмонт К.* Зовы древности: Гимны, песни и замыслы древних. Египет. — Мексика. — Майя. — Перу. — Халдея. — Ассирия. — Индия. — Иран. — Китай. — Океания. — Скандинавия. — Эллада. — Бретань. СПб.: Пантеон, [1908]. С. 207–208.

³⁵ Там же. С. 208.

³⁶ Там же.

³⁷ ОР РГБ, ф. 259, оп. 11, ед. хр. 5, л. 3.

сделать так, что в Индии ты индус, что в Египте ты египтянин и мусульманин с арабом, и жадный испанец в морях»³⁸.

Поздней осенью 1909 года Бальмонту удается наконец осуществить давно задуманное им путешествие в Египет — страну, олицетворявшую для него «край Солнца». В одной из своих статей о Египте Бальмонт писал:

В какую страну ни пойдешь, услышишь хвалы Солнцу, уловишь любовь к нему — и в народной поговорке, и в цветистом слове поэта, и в точной формуле мыслителя. <...>

Все египетские боги качествами своими и свойствами тяготеют к богу Солнца — Ра и тонут в океане его бессмертного сияния. <...>

Вознеслись в Небо уходящие обелиски, символизирующие солнечную силу пола, а равно устремленность души к Жизнедателю-Солнцу. Вознеслись безмерными и молитвенно-стройными громадами Пирамиды, в которых обманно видят лишь огромные гробницы, тогда как они являют взнесенность души к Солнцу...³⁹

В своих очерках, посвященных Египту, Бальмонт обстоятельно рассказывал русским читателям о мифологии, истории, религиозных верованиях и культах Египта. Готовясь к своей поездке в «край Солнца», Бальмонт изучал труды французских египтологов, пытаясь приблизиться к «тайне» этой древней страны. Однако субъективность восприятия неизменно одерживала в Бальмонте верх над любым знанием; «край Озириса» рисовался поэту в розовых, романтических красках. Бальмонту всегда было важно обнаружить в той или иной стране близкие

³⁸ Бальмонт К. Революционер я или нет. С. 15.

³⁹ Бальмонт К. Солнечное единобожие: Очерк // Русское слово. 1910. № 146, 27 июня. С. 4.